ГЕОПОЛИТИКА GEOPOLITICS GEOPOLITIK

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ

Выбор

Мировое господство или глобальное лидерство

Стратегический взгляд

Америка и глобальный кризис

Збигнев Казимеж Бжезинский
Выбор. Стратегический взгляд (сборник)
Серия «Геополитика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29193016
Збигнев Бжезинский: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982497-8

Аннотация

В книге «Выбор» автор излагает свою концепцию глобального лидерства Америки: только США могут и должны быть мировым лидером, но это, в свою очередь, требует от США перестать быть государством, преследующим свои узконациональные интересы, а представлять интересы всего мира. В книге «Стратегический взгляд» З. Бжезинский уже критикует американскую политику, призывая пересмотреть ее позицию «Богом избранного мирового гегемона», иначе США ждет такой же системный кризис, который погубил в свое время СССР.

Содержание

Выбор 6
Предисловие 6
Часть I 15
1. Дилеммы национальной небезопасности 22
Конец суверенной безопасности 23
Национальная мощь и интернациональное противоборство 41
Определение новой угрозы 55
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Збигнев Бжезинский
Выбор. Стратегический взгляд

Zbigniew Brzezinski

THE CHOICE: GLOBAL DOMINATION OR GLOBAL LEADERSHIP

STRATEGIC VISION: AMERICA AND THE CRISIS OF GLOBAL POWER

Печатается с разрешения издательства Basic Books, an imprint of Perseus Books LLC, a subsidiary of Hachette Book Group, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Zbigniew Brzezinski, 2004

© Перевод. О. Колесников, 2017

© Перевод. М. Десятова, 2012

Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

***

Збигнев Бжезинский (1928–2017) – выдающийся политолог, социолог, историк. Идеолог внешней политики США, в

1977–1981 годах занимал должность советника Д. Картера по национальной безопасности. Он был одним из самых авторитетных специалистов в области мировой политики.

Книги Збигнева Бжезинского, патриарха политической элиты США, – классика современной политической мысли:

«Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы»

«Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»

«Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы»

«Америка и мир» (совместно с Б. Скоукрофтом)

«Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис»

***

«Америка должна играть ведущую роль!»

Збигнев Бжезинский

Выбор
Мировое господство или глобальное лидерство

Предисловие

Моя главная идея в отношении роли Америки в мире весьма проста: американское могущество, которое многие считают решающим фактором в обеспечении государственного суверенитета, в настоящее время служит самой главной гарантией общемировой стабильности, тогда как американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подтачивают традиционный государственный суверенитет. Могущество Америки и движущие силы ее общества во взаимодействии могут способствовать постепенному созданию всемирной общности на основе совместных интересов. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала могут ввергнуть мир в состояние хаоса и превратить Америку в осажденную крепость.

На заре XXI века могущество Америки достигло небывалого уровня, о чем свидетельствуют глобальное военное присутствие США и ключевое значение ее экономической жиз-

неспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологической динамичности США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой, но зачастую незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке беспрецедентный политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление развития человечества, и соперника ей не предвидится.

Европе, наверное, под силу составить конкуренцию США в экономическом отношении, но еще не скоро она сможет достигнуть той степени единства, которая позволит ей вступить в политическое состязание с американским колоссом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китай, несмотря на его экономические успехи, судя по всему, будет оставаться относительно бедной страной в течение жизни по меньшей мере двух поколений, а за это время могут случиться серьезные политические осложнения. Россия же больше не участник забега. Короче говоря, у Америки отсутствует и не появится в ближайшее время равный ей по силе конкурент.

Ввиду этого нет никакой реальной альтернативы американской гегемонии и роли мощи США как незаменимой составляющей всеобщей безопасности. В то же время под влиянием американской демократии – и примера американских достижений – повсюду происходят экономические, культурные и технологические изменения, способствующие форми-

рованию глобальных взаимосвязей как поверх государственных границ, так и сквозь границы. Изменения эти способны подрывать ту самую стабильность, которую должна бы охранять американская мощь, и даже порождать враждебность по отношению к США.

Вследствие этого Америка сталкивается с уникальным парадоксом: она – первая и единственная подлинно всемирная сверхдержава, однако американцев все больше беспокоят угрозы, исходящие от значительно более слабых недругов. Тот факт, что Америка обладает беспрецедентным международным политическим влиянием, делает ее объектом зависти, негодования, а то и жгучей ненависти. Кроме того, эти антагонистические настроения могут не только эксплуатироваться, но и разжигаться традиционными соперниками Америки, даже если те сами осмотрительно избегают прямого столкновения с ней. И это представляет собой вполне реальную угрозу ее безопасности.

Следует ли отсюда, что Америка вправе притязать на бóльшую безопасность, чем другие государства? Ее руководители, как управляющие, в чьих руках находится все могущество США, так и представители демократического общества, должны стремиться к тщательно выверенному балансу этих двух ролей. Полагаясь исключительно на многостороннее сотрудничество в мире, где угрозы государственной и в конечном счете всеобщей безопасности, конечно же, растут, создавая потенциальную опасность для всего человечества,

можно впасть в стратегическую летаргию. Напротив, упор на самовольное применение суверенной мощи, особенно в сочетании с определением новых угроз исходя из собственных интересов, может вызвать самоизоляцию, прогрессирующую национальную паранойю и усиление уязвимости на фоне повсеместного распространения вируса антиамериканизма.

Америка, охваченная тревогой и одержимая укреплением собственной безопасности, скорее всего, окажется в изоляции в окружении враждебного мира. А если поиски безопасности для себя одной окажутся возведены в принцип, земле свободных людей грозит превращение в государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости. И при этом окончание «холодной войны» совпало с широчайшим распространением технических знаний и возможностей, позволяющих изготовить оружие массового поражения, доступных не только государствам, но и политическим организациям террористической направленности.

Американское общество храбро держалось в устрашающей ситуации «двух скорпионов в одной банке», когда Соединенные Штаты и Советский Союз сдерживали друг друга посредством потенциально сокрушительных ядерных арсеналов, но в условиях проникающего повсюду насилия, регулярно происходящих террористических актов и расползания оружия массового поражения, сохранять хладнокровие ему оказалось труднее. Американцы чувствуют, что в этой политически неопределенной, порой двусмысленной и зачастую

сбивающей с толку обстановке политической непредсказуемости кроется опасность для Америки, причем именно потому, что она представляет собой самую главную на планете силу.

В отличие от держав, доминировавших прежде, Америка действует в мире, где временные и пространственные связи становятся все теснее. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания на протяжении XIX века, Китай на различных этапах тысячелетий своей истории, Рим в течение половины тысячелетия и многие другие, были относительно недосягаемы для внешних угроз. Мир, в котором они господствовали, состоял из отдельных, не сообщавшихся между собой частей, разделенных пространством и временем, что служило залогом безопасности территории государств-гегемонов. В противоположность им Америка обладает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе, но степень безопасности ее собственной территории небывало мала. Необходимость смириться с небезопасными условиями жизни приобретает, похоже, хронический характер.

Поэтому ключевой вопрос: сумеет ли Америка проводить мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику – политику, способную избежать заблуждений в духе психологии осадного положения и при этом соответствующую исторически новому статусу страны как верховной державы мира? Поиск мудрого внешнеполитического курса следует начинать с осознания того, что «глобализация» по своей су-

ти означает глобальную взаимозависимость. Взаимозависимость не гарантирует равного статуса или даже равной безопасности всем странам. Но она подразумевает, что ни одна страна не имеет полного иммунитета от последствий научно-технической революции, многократно расширившей возможности человека в применении насилия и при этом скрепившей узы, все теснее связывающие человечество воедино.

В конечном счете главный политический вопрос, стоящий перед Америкой, таков: «Гегемония во имя чего?» Будут ли США стараться построить новую мировую систему, базирующуюся на совместных интересах, или станут применять подконтрольную им глобальную мощь в основном в интересах собственной безопасности?

Последующие страницы этой книги посвящены рассмотрению того, что я считаю главными вопросами, на которые необходимо дать всеобъемлющий со стратегической точки зрения ответ, а именно:

• Каковы главные угрозы для Америки?

• Есть ли у Америки, принимая во внимание ее главенствующее положение, право на бóльшую степень безопасности, чем у других стран?

• Как Америке противостоять потенциально кровопролитным угрозам, которые все чаще исходят не от сильных соперников, а от слабых недругов?

• Способна ли Америка конструктивно выстраивать долгосрочные отношения с исламским миром, насчитывающим

1,2 миллиарда человек, многие из которых видят в Америке скорее заклятого врага?

• Может ли Америка принять решающую роль в урегулировании израильско-палестинского конфликта при наличии несовместимых, но законных притязаний двух народов на одну и ту же землю?

• Что нужно сделать для достижения политической стабильности в неспокойной зоне новых Общемировых Балкан, протянувшейся вдоль южной оконечности Центральной Евразии?

• Способна ли Америка наладить подлинное партнерство с Европой, при условии, что политическое объединение Европы происходит весьма медленно, но при этом возрастает ее экономическое могущество?

• Возможно ли вовлечь Россию, уже не соперничающую с Америкой, в атлантическую структуру под американским руководством?

• Какой должна быть роль Америки на Дальнем Востоке при условии сохраняющейся, но с неохотой, зависимости Японии от Соединенных Штатов и роста ее военной мощи, а также усиления Китая?

• Возможно ли, что глобализация породит логически целостную контрдоктрину или контральянс, направленные против Америки?

• Становятся ли демографические и миграционные процессы новыми источниками угроз для всеобщей стабильно-

сти?

• Совместима ли американская культура с фактически имперскими притязаниями?

• Как Америке следует реагировать на новое углубление неравенства между людьми, способное заметно усилиться в результате происходящей научно-технической революции и стать более резким под воздействием глобализации?

• Совместима ли американская демократия с мировым господством, как бы тщательно это господство ни маскировалось? Как требования безопасности, неотделимые от этой особой роли, скажутся на традиционных гражданских правах американцев?

Таким образом, данная книга представляет собой отчасти прогноз, отчасти набор рекомендаций. За исходный пункт взято следующее: недавно начавшаяся революция в передовых технологиях, прежде всего в сфере коммуникаций, благоприятствует постепенному формированию всемирной общности, опирающейся на все более широко признаваемые единые интересы, в центре которой находится Америка. Но потенциально возможная самоизоляция единственной сверхдержавы может погрузить мир в пучину расползающейся анархии, особенно опасной в условиях распространения оружия массового поражения. Поскольку Америке – принимая во внимание ее противоречивую роль в мире – предназначено быть катализатором движения либо к всемирной общности, либо к всемирному хаосу, на американ-

цах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из этих двух путей пойдет человечество. Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем.

30 июня 2003 г.

Часть I
Американская гегемония и глобальная безопасность

Уникальное положение Америки в мировой иерархии сегодня признано почти повсеместно. Изначальное удивление и даже гнев, с которыми была встречена за рубежом открытая констатация главенствующей роли Америки, уступили место более сдержанным – хотя все еще носящим печать обиды – попыткам впрячь гегемонию в свои задачи, ограничить, направить в иное русло или подвергнуть осмеянию. Даже русские, менее всех склонные, по причинам ностальгического характера, признавать масштабы американского могущества и влияния, согласны с тем, что на протяжении заметного времени Соединенные Штаты будут оставаться определяющим игроком на международной сцене. Когда 11 сентября 2001 г. Америка подверглась террористическим атакам, британцы во главе с премьер-министром Тони Блэром значительно поднялись в глазах Вашингтона, немедленно присоединившись к объявлению американцами войны против международного терроризма. Их примеру последовала значительная часть планеты, включая те страны, что ранее уже испытали на себе боль террористических атак, удостоившись лишь малой толики сочувствия с американской сто-

роны. Прозвучавшие во всех уголках мира декларации типа «мы все – американцы» были не просто выражением искреннего сопереживания, но и своевременными заверениями в политической лояльности.

Современному миру может не нравиться американское превосходство: он может относиться к нему с недоверием, негодовать и время от времени даже составлять направленные против него заговоры. Однако прямо оспаривать верховенство Америки в практическом ключе остальному миру не по силам. За последнее десятилетие были отдельные попытки сопротивления, все неудачные. Китайцы и русские пофлиртовали с идеей стратегического партнерства, ориентированного на формирование «многополярного мира» – понятие, суть которого расшифровывается словом «антигегемония». Из этого мало что могло получиться, принимая во внимание относительную слабость России по сравнению с Китаем и прагматизм китайского руководства, прекрасно осознающего, что в текущий момент Китай нуждается в иностранных капиталах и технологиях. Ни на то, ни на другое Пекин не сможет рассчитывать, если его отношения с Соединенными Штатами станут антагонистическими. В завершающем году XX столетия европейцы, и прежде всего французы, с помпой провозгласили, что Европа в ближайшее время обзаведется «независимыми возможностями в области глобальной безопасности». Но, как вскоре показала война в Афганистане, обещание это было подобно некогда знаменитому

советскому заверению в исторической победе коммунизма, «показавшейся на горизонте», то есть на воображаемой линии, отодвигающейся по мере приближения к ней.

История – летопись изменений, память о том, что ничто не вечно. Но она же напоминает, что некоторым вещам дарован долгий век, а их исчезновение вовсе не означает возвращения к предыдущей ситуации. Так будет и с сегодняшним мировым главенством Америки. Однажды оно тоже начнет клониться к закату, возможно, позднее, чем хочется некоторым, но раньше, чем полагают многие американцы. Ключевой вопрос: что придет ему на смену? Внезапный конец американской гегемонии, без сомнения, погрузит мир в хаос, под покровом которого международная анархия будет сопровождаться вспышками насилия и разрушениями подлинно грандиозного масштаба. Сходный эффект, только растянутый во времени, даст и неуправляемый постепенный упадок господства США. Но поэтапное и контролируемое перераспределение власти может привести к оформлению структуры всемирной общности, основанной на совместных интересах и обладающей собственными надгосударственными механизмами, на которые будут все в большей степени возлагаться некоторые особые функции в сфере безопасности, традиционно выполняемые государственными органами.

В любом случае потенциально возможное окончание американской гегемонии не вызовет восстановления многополярного баланса между знакомыми нам великими держава-

ми, заправлявшими на международной сцене в последние два столетия. Не приведет оно и к воцарению на месте Соединенных Штатов другого гегемона, обладающего подобным политическим, военным, экономическим, научно-техническим и социокультурным глобальным превосходством. Известные державы прошлого века слишком утомлены или слабы, чтобы справиться с ролью, которую сегодня играют Соединенные Штаты. Примечательно, что начиная с 1880 года в рейтинге мировых держав (составленном на основе совокупной оценки их экономического потенциала, военных бюджетов и преимуществ, населения и т. д.), если смотреть изменения с интервалом в двадцать лет, верхние пять строк занимали всего лишь семь государств: Соединенные Штаты, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Япония и Китай. Однако только Соединенные Штаты неоспоримо заслуживали включения в ведущую пятерку в каждом 20-летнем интервале, а в 2002 году разрыв между государством, занявшим самую верхнюю позицию – Соединенными Штатами, – и остальными странами оказался значительно больше, чем когда-либо прежде[1].

---

[1] Хотя такое распределение мест в международной иерархии вызывает споры, в 1900 году в нем значились, последовательно, Великобритания, Германия, Франция, Россия и Соединенные Штаты, причем все они располагались относительно близко друг к другу. В 1960 году лидировали Соединенные Штаты и Россия (СССР), а Япония, Китай и Великобритания находились далеко позади. В 2000 году список возглавили Соединенные Штаты, за которыми с большим отрывом следуют Китай, Германия, Япония и Россия.

Бывшие великие европейские державы – Великобритания, Германия и Франция – слишком слабы, чтобы бросать вызов в схватке за гегемонию. Маловероятно, что в ближайшие два десятилетия Европейский союз достигнет той степени политического единства, без которой народам Европы никогда не обрести воли к соперничеству с Соединенными Штатами на военно-политической арене. Россия уже не представляет собой имперскую державу, и главная задача для нее – социально-экономическое возрождение, без которого ей придется уступить свои дальневосточные территории Китаю. Население Японии стареет, ее экономическое развитие замедлилось; типичные для 1980-х годов воззрения о превращении Японии в сверхдержаву выглядят сегодня исторической иронией. Китай, даже если ему удастся сохранить высокие темпы экономического роста и не утратить внутриполитическую стабильность (и то и другое сомнительно), станет в лучшем случае региональной державой, возможности которой по-прежнему ограничиваются бедностью населения, архаичной инфраструктурой и отсутствием притягательного образа этой страны для всего остального мира. Все это верно и в отношении Индии, трудности которой сверх того усугубляются неясностью долгосрочных перспектив ее национального единства.

Даже у коалиции всех этих стран, образование которой крайне маловероятно, принимая во внимание историю их взаимных конфликтов и взаимоисключающих территори-

альных притязаний, не хватит сплоченности, силы и энергии ни чтобы столкнуть Америку с ее пьедестала, ни чтобы поддерживать общемировую стабильность. В любом случае, если Америку попробуют сбросить с трона, некоторые ведущие государства подставят ей плечо. Более того, при первых же свидетельствах начала заката американского могущества нам, скорее всего, доведется наблюдать спешные попытки упрочить лидерство Америки. Но самое главное, даже общее недовольство американской гегемонией не способно защитить от столкновения интересов различных государств. В случае же упадка Америки наиболее острые противоречия могут разжечь пожар регионального насилия, который в условиях доступности оружия массового поражения чреват ужасающими последствиями.

Из всего этого можно сделать двоякий вывод: в ближайшие два десятилетия американское могущество будет оставаться незаменимой опорой общемировой стабильности, а принципиальный вызов мощи США может возникнуть только изнутри: либо если американская демократия сама отвергнет силовую роль, либо если Америка неправильно распорядится своим международным влиянием. Американское общество при всей вполне очевидной узости его культурных и интеллектуальных интересов твердо поддерживало продолжительное всеобщее противостояние угрозе тоталитарного коммунизма, а сегодня полно решимости бороться с международным терроризмом. Пока такая ситуация на меж-

дународной сцене сохраняется, Америка будет играть роль глобального стабилизатора. Но если эти обязательства ослабеют – или потому, что терроризм исчезнет, или потому, что американцы устанут либо утратят единство цели, – глобальная роль Америки быстро завершится.

Неправильное использование Соединенными Штатами своего могущества тоже может подорвать их общемировую роль и поставить под вопрос ее легитимность. Поведение, воспринимаемое повсеместно как произвол, может стать причиной усиливающейся изоляции Америки и лишить ее скорее не потенциала самообороны, а возможности применять свою власть для вовлечения других стран в общие усилия по формированию более безопасной международной среды.

Общество в целом понимает, что новая угроза безопасности, проявившаяся столь драматически 11 сентября, нависла над Америкой на долгие годы. Богатство страны и динамизм ее экономики делают относительно приемлемым оборонный бюджет на уровне 3–4 % ВВП; это бремя значительно легче того, что довелось нести в годы «холодной войны», не говоря уже о временах Второй мировой войны. При этом в процессе глобализации, способствующей переплетению американского общества с остальным миром, национальная безопасность Америки оказывается все более увязанной с вопросами общего благополучия человечества.

В соответствии с логикой искусного государственного

управления задача состоит в том, чтобы преобразовать лежащий в основе общественный консенсус в сфере безопасности в долгосрочную стратегию, которая найдет в мире не всеобщее осуждение, а всеобщую поддержку. Этого нельзя добиться ни апеллируя к ура-патриотизму, ни провоцируя панику. Здесь требуется такой подход к новым реалиям глобальной безопасности, в котором воедино сольются традиционный американский идеализм и трезвый прагматизм. Ведь с обеих точек зрения очевиден один и тот же вывод: для Америки укрепление глобальной безопасности – принципиально важный компонент ее собственной национальной безопасности.

1. Дилеммы национальной небезопасности

На протяжении большей части истории Америки как суверенной страны ее граждане считали безопасность нормой, а отдельные периоды небезопасности – отклонением от нормы. Отныне же все будет наоборот. В эпоху глобализации отсутствие безопасности превратится в долговременную реальность, а поиск путей укрепления национальной безопасности – в предмет постоянной заботы. Придется решать, какая степень уязвимости допустима; этому вопросу предстоит стать непростой проблемой для Соединенных Штатов как современного мирового гегемона, а заодно культурной ди-

леммой для американского общества.

Конец суверенной безопасности

Становление Америки произошло в эпоху, когда государственный суверенитет и национальная безопасность были почти синонимами. Именно они составляли суть международных отношений. В последние столетия международный порядок покоился на фундаменте государственного суверенитета, каждое государство выступало в пределах своей территории верховным и абсолютным арбитром собственных требований к национальной безопасности. Хотя формально суверенитет считался абсолютным, явное неравенство государственных потенциалов не только делало неизбежными существенные компромиссы, прежде всего со стороны слабых государств, но и допускало серьезные нарушения суверенитета отдельных стран по воле более сильных держав. Тем не менее, когда в качестве реакции на Первую мировую войну была учреждена первая всемирная организация межгосударственного сотрудничества – Лига Наций, – в результате абстрактного понимания абсолютного суверенитета все государства-члены получили равное право голоса. Симптоматично, что Соединенные Штаты, относясь особенно трепетно к своему суверенному статусу и уверенные в преимуществах своего географического положения, решили не вступать в это объединение.

К моменту создания в 1945 году Организации Объединенных Наций у ведущих государств не вызывало сомнений, что, если ООН должна играть заметную роль в сфере безопасности, ее устройство должно учитывать реальности мирового соотношения сил. Но все же принцип равенства суверенных государств не мог быть отвергнут полностью. Вследствие этого сделали компромиссный вариант, включающий и равные права всех стран-членов при голосовании на Генеральной Ассамблее, и право вето в Совете Безопасности ООН для пяти лидеров, которыми стали державы-победительницы во Второй мировой войне. Эта формула маскировала молчаливое признание того, что государственный суверенитет все более иллюзорен для всех, за исключением нескольких сильнейших государств.

В Америке государственный суверенитет и национальная безопасность всегда были связаны более органично, чем в большинстве других стран. Это одно из следствий идеи особого предназначения, которую проповедовала американская революционная элита, стремившаяся оградить свое отечество от межгосударственных конфликтов далекой Европы и в то же время представить Америку образцовой носительницей принципиально новой и универсально значимой концепции государственного устройства. Эту связь усиливало осознание географических реалий, сделавших Америку заповедной территорией. Имея два протяженных океана в качестве уникальных буферов безопасности и значительно бо-

лее слабых соседей с севера и юга, американцы рассматривали суверенитет своей страны и как естественное право, и как естественное следствие ее беспрецедентной защищенности. Даже когда Америка принимала участие в двух мировых войнах, именно американцы пересекали океанские просторы, чтобы сразиться с противником в дальних краях. Не война приходила в Америку, а американцы уходили на войну[2].

После завершения Второй мировой войны и наступления по большей части неожиданной «холодной войны» против враждебно настроенного идеологического и стратегического неприятеля большинство американцев поначалу чувствовали себя надежно защищенными монополией США на атомную бомбу. Стратегическое авиационное командование (САК), обладавшее (во всяком случае, до середины 1950-х годов) способностью нанести в одностороннем порядке опустошительный удар по Советскому Союзу, взяло на себя функцию щита страны, прежде выполнявшуюся размещенным на двух океанах военно-морским флотом. САК символизировало и увековечивало представление о безопасности как неотъемлемом атрибуте особого положения Америки, несмотря на то, что почти для всех других государств отсутствие безопасности в XX столетии уже стало нормой. Конечно же, американские войска в Германии и Японии защищали и другие народы, обороняя при этом Америку – тем самым

[2] После Перл-Харбора война с Японией велась на отдаленных от Америки островах Тихого океана.

они удерживали опасность на удаленных от Америки географических рубежах.

Только в конце 1950-х годов, а скорее лишь в ходе Кубинского ракетного кризиса Америка с ошеломлением обнаружила, что современные технологии сделали неуязвимость принадлежностью прошлого. В 1960-е годы в стране поднялось беспокойство из-за «отставания по ракетам» (советские лидеры намеренно завышали данные о качественных характеристиках и количестве тех ракет, которыми они реально обладали). Это привело к усилившемуся страху из-за неизбежно неустойчивого ядерного сдерживания, к озабоченности стратегов по поводу возможного обезоруживающего ядерного удара со стороны СССР и возрастающей угрозы случайного пуска ядерной ракеты, а позже к созданию новых видов высокотехнологичных оборонительных систем космического базирования, в частности противоракетных комплексов. Жаркие общегосударственные дебаты по этим вопросам в итоге завершились общим признанием, что обеспечивающие стратегическую стабильность отношения с Советским Союзом достижимы только на основе взаимообязывающих ограничений. Это проложило путь к подписанию в 1970-х годах Договора по противоракетной обороне (ПРО) и затем соглашений об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), а после, в 1980-х годах, привело к договорам о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Эти договоры в сущности стали признанием того, что безопасность Америки находится уже не исключительно в руках американцев, а частично зависит от договоренностей со смертельно опасным антагонистом. То, что этот антагонист столь же уязвим и его поведение, по всей видимости, определялось подобным осознанием собственной уязвимости, вселяло некоторую надежду и психологически облегчало признание общей уязвимости для американской общественности. Конечно, договоренности не устраняли угрозу взаимного уничтожения, но их очевидная рациональность и сулимая предсказуемость несколько успокоили американцев. Вследствие этого предпринятая в начале 1980-х годов попытка администрации Рейгана восстановить неуязвимость Америки с помощью «стратегической оборонной инициативы» (СОИ) – проекта размещения в космосе оборонительного комплекса для защиты Соединенных Штатов от советских баллистических ракет – не получила поддержки подавляющего большинства населения.

Неожиданная умеренность американской общественности, без сомнения, отчасти стала следствием наступающей разрядки в советско-американских отношениях, благодаря чему страхи перед ядерным столкновением несколько поутихли, но также объяснялась возникшим в обществе ощущением, что советский блок и сам Советский Союз переживают масштабный внутренний кризис. В восприятии американцев угроза стала ослабевать. Более того, после круше-

ния в 1991 году Советского Союза советские ракеты перестали быть предметом соглашений о сокращении вооружений и попали в сферу внимания американских служб по демонтажу, поскольку США начали финансировать и предоставлять методики для обеспечения безопасного складирования некогда внушавших ужас советских ядерных боеголовок. Превращение советского ядерного арсенала в нечто, опекаемое американской системой защиты, свидетельствует о том, до какой степени свершившимся фактом стала ликвидация советской угрозы.

Исчезновение противостояния с Советским Союзом, совпавшее с впечатляющей демонстрацией возможностей современной американской военной техники в ходе войны в Персидском заливе, естественным образом привело к восстановлению уверенности общества в уникальной мощи Америки. Вызванная техническим прогрессом и возглавляемая США революция в военном деле (РВД) породила не только новые виды оружия и новые тактические концепции, предопределившие однозначный исход двух мини-войн, 1991 и 2003 годов, против вооруженного Советским Союзом Ирака, но и новое ощущение глобального военного превосходства американцев. На короткое время Америка вновь почувствовала себя почти неуязвимой.

Этот новый настрой совпал с широким осознанием того, что за крахом Советского Союза скрываются более серьезные сдвиги в общемировом распределении политического

влияния. При том, что операции против Ирака в 1991 году и в Косово в 1999 году красноречиво продемонстрировали укрепляющуюся ведущую роль Америки в военном применении высоких технологий и ее способность относительно безнаказанно наносить удары по другим странам, американское превосходство все больше воспринималось за рубежом как не только военное. Оно было по меньшей мере таким же очевидным в отношении «мягкого», несилового воздействия в научных инновациях и их технологических адаптациях, в экономическом динамизме и в почти не поддающихся оценке социокультурных экспериментах. К началу 1990-х годов многие иностранные комментаторы – не скрывая порой крайнего раздражения – признали Америку не только мировым гегемоном, но и уникальной (и нередко выходящей за привычные рамки) социальной лабораторией человечества. Стремительное распространение нового способа установления контактов – через Интернет – стало лишь одним из многих проявлений огромного, глобального влияния Америки как мирового первопроходца в социальной сфере.

В процессе этих изменений роль Америки на мировой арене стала «диалектичнее», чем когда-либо: американское государство, полагаясь на свою превосходящую мощь, выступает в качестве бастиона международной стабильности в традиционном смысле этого понятия; американское же общество, оказывая на окружающий мир громадное разноплановое влияние, с дополнительной помощью глобализа-

ции, преодолевает государственно-территориальные барьеры и разрушает традиционный социальный порядок.

С одной стороны, сочетание двух этих обстоятельств усиливает традиционную склонность Америки считать себя моделью для всех прочих народов, поскольку американское превосходство еще больше укрепляет представление американцев о моральном призвании их страны свыше. Тенденция в Конгрессе США по наделению Государственного департамента полномочиями выносить оценки поведению других государств весьма симптоматична для нынешней позиции Соединенных Штатов, которые все более пренебрежительно относятся к чужому суверенитету, по-прежнему тщательно оберегая свой.

С другой стороны, совокупное воздействие американской мощи и глобализации изменяет природу национальной безопасности США. Современные технологии стирают эффект географической удаленности и в то же время многократно увеличивают разнообразие и дальность действия средств поражения, а также число субъектов, способных на неординарные акты насилия. При этом лавина гневных протестов против глобализации устремляется на Соединенные Штаты, как на самую очевидную их цель. Но глобализация ведет к всеобщей уязвимости, даже если главным объектом ненависти становится Америка.

Развитие технологии – неодолимая сила, уравнивающая общества в смысле уязвимости. Революционное сокраще-

ние расстояний благодаря современным коммуникационным технологиям и квантовый скачок в увеличении дальности действия средств намеренного причинения смерти пробили брешь в традиционном защитном зонтике государства. Кроме того, и возможности приобретения вооружений, и дальность их действия теперь не контролируются государством. Даже неправительственные субъекты, такие как подпольные террористические организации, постепенно налаживают каналы доступа к оружию большой разрушительной силы. Совершение в каком-либо месте подлинно высокотехнологичного террористического акта – лишь вопрос времени. Но кроме того, в результате этого же «уравнивания» бедные государства вроде Северной Кореи получают средства для нанесения противнику такого ущерба, на какой прежде были способны лишь немногие богатые и мощные государства.

Рано или поздно эта тенденция способна привести к апокалиптическим последствиям. Впервые в истории становится возможным небиблейский сценарий «конца света» – не деяние Божье, но преднамеренно запущенная, сотворенная человеком цепная реакция глобального катаклизма. Армагеддон, описанный в последней книге Нового Завета (Откровение, гл. 16), вполне может сойти за картину всепланетного ядерного и бактериологического самоубийства [3]. Хотя в бли-

---

[3] «Седьмый Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии,

жайшие несколько десятилетий вероятность подобного события, возможно, очень низка, с развитием науки неуклонно будет расти и мощь доступных человеку актов самоуничтожения, которые организованное общество не всегда сможет предотвратить или ограничить.

Помимо апокалиптического исхода неизбежно будет расширяться список других сценариев эскалации насилия, способных осуществиться вследствие обострения международных противоречий или в качестве побочного результата манихейских страстей. В их число входят, начиная с более традиционных сценариев и заканчивая самыми инновационными:

1) полномасштабная стратегическая война с применением оружия массового поражения между Соединенными Штатами и Россией – что на настоящем этапе все еще теоретически возможно, хотя и маловероятно – либо, предположительно через примерно 20 лет, между Соединенными Штатами и Китаем, а также между Китаем и Россией;

2) крупные региональные войны с применением самого смертоносного оружия, например между Индией и Пакистаном или между Израилем и Ираном;

3) сепаратистские этнические военные конфликты, угро-

громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! И город великий распался на три части, и города языческие пали <…> И всякий остров убежал, и гор не стало; и град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая».

жающие прежде всего многоэтническим государствам, подобным Индонезии или Индии;

4) различные формы «национально-освободительного» движения угнетенных против реального или предполагаемого расового неравенства, такие как борьба индейского крестьянства Латинской Америки, российских чеченцев или сражающихся против Израиля палестинцев;

5) внезапные акты агрессии против соседних государств либо, анонимно, против Соединенных Штатов со стороны стран, слабых во всех иных отношениях, но сумевших изготовить оружие массового поражения и найти способы его доставки;

6) дающие все более разрушительный эффект террористические операции подпольных групп против целей, возбуждающих у них особую ненависть; повторение того, что произошло 11 сентября в Соединенных Штатах, а в конечном итоге теракты с применением оружия массового поражения;

7) парализующие кибератаки, анонимно предпринимаемые государствами, террористическими организациями или даже анархистами-одиночками против операционной инфраструктуры высокоразвитых обществ в расчете погрузить их в состояние хаоса.

Общеизвестно, что инструментарий для насилия становится все разнообразнее и доступнее. Он включает широкую палитру средств – от сверхсложных вооружений, в том числе

различных типов ядерного оружия, созданного для решения специфических военных задач и доступного лишь нескольким государствам, до менее эффективных, но настолько же смертоносных ядерных зарядов, предназначенных для массового поражения городского населения; от ядерных боеприпасов до химического (менее смертоносного) и бактериологического оружия (прицельное применение которых затруднено, но поражающий эффект имеет высокую динамику самораспространения). Чем беднее государство или чем изолированнее группа, готовая применять подобное оружие, тем вероятнее, что они воспользуются хуже всего поддающимся контролю и наименее избирательно действующим средством массового поражения.

Ввиду этого дилеммы глобальной безопасности первых десятилетий XXI столетия качественно отличаются от дилемм века XX. Традиционная связь между государственным суверенитетом и национальной безопасностью разорвана. Впрочем, традиционные стратегические соображения, конечно же, остаются основополагающими для безопасности Америки, поскольку в случае крушения структуры международных отношений потенциально враждебные США крупные государства – такие как Россия и Китай – все еще способны нанести колоссальный урон американской территории. Кроме того, поскольку ведущие государства не прекратят совершенствовать имеющиеся вооружения и разрабатывать новые их виды, поддержание технологического превос-

ходства над ними будет и впредь оставаться важным императивом национальной безопасности США[4].

Однако крупномасштабные войны между высокоразвитыми государствами уже стали редкостью. Две мировые войны, разгоревшиеся в самой передовой тогда части мира – Европе, – были «тотальными» в том смысле, что велись с применением самых совершенных для своего времени средств, уничтожавших как участников боевых действий, так и мирное население. Но, даже стремясь нанести противнику максимальный урон, каждая из сторон рассчитывала уцелеть в противоборстве. Тотальные по своим задачам, те войны все же не были самоубийственными.

После Хиросимы и Нагасаки, где слово «тотальный» обрело совершенно новый смысл, и с распространением атомного оружия, в круг обладателей которого вошли не только главные антагонисты «холодной войны», но и другие государства, победа в тотальной войне стала оксюмороном – словосочетание, объединяющее взаимоисключающие понятия. В результате признания и институционализации этого факта Соединенные Штаты и Советский Союз перешли к

---

[4] Например, успешно осуществляемая Америкой революция в военном деле уже сама по себе побудила Китай провозгласить «революцию в военном деле по-китайски», определяемую как «ведение народной войны в условиях высоких технологий», причем некоторые китайские военные руководители и эксперты усматривают в этом «один из важнейших аспектов трансформации в области стратегии». См. *Кун Шаньинъ.* Обеспечение развития в сфере национальной обороны посредством прорывов и скачков (на кит. яз.) // «Дагун бао». – 2003. – 23 мая.

стратегии взаимного сдерживания путем устрашения. Как раз тем странам, которым создание самого разрушительного оружия вполне по карману, его применение угрожает максимальными потерями, поэтому если еще можно представить себе тотальную войну между Индией и Пакистаном, то между Францией и Германией она уже немыслима. Не будет чрезмерным преувеличением сказать, что тотальная война оказывается бессмысленным действием, которое может позволить себе только бедное государство.

Войны между высокоразвитыми государствами (весьма маловероятные), как и военные операции развитых государств против более отсталых (вероятность которых выше), отныне будут вестись посредством все более высокоточных вооружений, а их задачей станет не полное уничтожение противника (что может спровоцировать опустошающий контрудар), а его разоружение и последующее подчинение. Военные кампании США против «Талибана» в конце 2001 года и против Ирака в 2003 году представляют собой прототип военных столкновений, в которых будут применяться самые передовые виды оружия, способные выборочно поражать отдельные особо важные военные и экономические объекты.

Вялотекущее противоборство вперемешку с судорожными схватками сменяет организованные, продолжительные, формальные войны. Война как формально объявленное состояние ушла в прошлое. Последнее торжественное уведом-

ление о предстоящем вступлении в состояние войны было сделано в адрес нацистского правительства послами Британии и Франции 3 сентября 1939 г. в Берлине после нападения нацистов (без объявления войны) на Польшу. Со времени окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты участвовали в двух крупных войнах, в которых погибли 100 000 американцев, и примерно в полудюжине относительно серьезных военных операций, сопровождавшихся небольшими потерями для американской стороны, а также в одностороннем порядке подвергли авиационным ударам как минимум три столицы иностранных государств, ни разу формально не объявляя войны. Не сопровождались объявлением войны и три кровопролитных конфликта между Индией и Пакистаном. В 1967 году Израиль нанес упреждающий удар по соседним арабским странам, а в 1973 году сам подвергся нападению также без какого-либо официального предупреждения. Ирак и Иран в 80-е годы вели между собой затяжную кровопролитную войну, не признавая этого официально.

В противоположность эпохе традиционной международной политики, когда войны и объявлялись, и завершались формальным образом, сегодня они воспринимаются как отклонение от нормального поведения из того же разряда, что уголовные преступления. Само по себе это – уже показатель прогресса. Однако в эпоху глобализации «война» лишь уступает место неформальному, не знающему территориаль-

ных границ и зачастую анонимному противоборству. Насилие такого рода может вызываться ситуацией геополитической нестабильности, подобной той, что сложилась в результате крушения Советского Союза. В других условиях раздоры становятся следствием этнического и религиозного антагонизма, доходя до неистовой оргии массового умерщвления людей, – так бывало в Руанде, Боснии и на Борнео. Что бы ни было причиной насильственного противоборства, широкое распространение этого явления в наши дни очевидно[5]. В качестве ответных реакций на них иногда требуются «полицейские» акции, вроде операции 1999 года в Косово.

Со временем демографическое давление со стороны перенаселенных и бедных регионов на богатые части мира может придать более насильственный характер и нелегальной иммиграции. Кроме того, акты организованного насилия могут порождаться фанатизмом, насаждаемым некоторыми неправительственными силами и нацеливаемым на первоочередные объекты их ненависти, – примером служат террористические организации, избравшие своей мишенью Америку.

---

[5] По данным ежегодного отчета, подготовленного в 2002 году в Лейдене (Нидерланды) в рамках Междисциплинарной программы исследования причин нарушения прав человека (PIIOM) и посвященного конфликтам, в 2001 году в мире имели место 23 «конфликта высокой интенсивности», унесших примерно 125 000 человеческих жизней, 79 «конфликтов малой интенсивности», в каждом из которых погибли от 100 до 1000 человек, и 38 «политических конфликтов с элементами насилия» – число жертв в каждом случае от 25 до 100. Констатировано относительное отсутствие насильственной политической борьбы всего в 35 странах.

Многие из перечисленных выше факторов насилия могут получить дополнительный импульс, если на почве неприятия глобального неравенства сложится некая новая интегральная идеология, которая, скорее всего, окажется направленной против страны, воспринимаемой как оплот существующего статус-кво, – Соединенных Штатов (подробнее об этом см. Часть II).

В общем, дилеммы безопасности Америки в XXI веке все более напоминают беспорядочные и многообразные вспышки преступности, против которой уже многие годы ведут борьбу крупные мегаполисы, где существует свой особый подпольный мир, где постоянно тлеющее и проникающее повсюду насилие есть норма жизни. Причем связанный с этим риск многократно возрос с появлением смертоносных технологий, при использовании которых маховик насилия может внезапно выйти из-под контроля и оно примет массированный характер. Невозможность во всех случаях быстро и точно установить источник угрозы еще больше подрывает способность Америки к эффективному ответу. В сущности, ее национальная безопасность, которая в XIX столетии основывалась на изолированном расположении страны, а во второй половине XX – на стратегии оборонительных альянсов с заокеанскими партнерами, сегодня приводит к уязвимости, характерной для современного мира в целом.

В таких условиях, и особенно в свете событий 11 сентября, вполне понятно все более откровенное беспокойство

американцев об укреплении национальной безопасности. Их стремление обрести защиту от реально существующих, ожидаемых, мыслимых и даже воображаемых угроз оправдывается не только тем, что с момента окончания «холодной войны» на Соединенные Штаты возложена уникальная роль в сфере глобальной безопасности, но и тем, что образ Америки как социокультурного центра мира притягивает к ней взоры всего человечества. И потому у Америки есть причины претендовать на бóльшую безопасность, чем у большинства других государств.

Но даже если мы согласимся с этим тезисом, насколько осуществима узко понимаемая национальная безопасность в эпоху, когда на смену межгосударственным войнам приходит стихия множественных раздоров? И где та невидимая грань, где даже обоснованная озабоченность внутренней безопасностью переходит из осмотрительности в паранойю? В какой степени безопасность Америки зависит от многостороннего сотрудничества и в какой мере ее возможно – или нужно – обеспечивать в одностороннем порядке? Эти простые вопросы приводят к исключительно сложным проблемам выбора в области национальной безопасности, решение которых дает далеко идущие последствия и для внутреннего конституционного порядка в стране. А динамичная, стремительно меняющаяся современная технология, равно как и переменчивая международная среда, неизбежно сделают любые ответы на подобные вопросы всего лишь временными

и условными.

Национальная мощь и интернациональное противоборство

Понятие абсолютной национальной безопасности сегодня – всего лишь миф. В век глобализации полная безопасность и абсолютная оборона недостижимы. Фактически вопрос состоит в том, какая именно степень небезопасности не помешает существованию Америки и удовлетворению ее интересов во все более тесно взаимодействующем и взаимозависимом мире. Отсутствие безопасности, увы, это удел многих стран на протяжении столетий. Отныне нет ее и у Америки; и если утрата безопасности вызывает недовольство общественности, политикам предстоит научиться справляться с этой проблемой.

Рассматривая, как сказывается новое положение на проблемах безопасности, важно не упустить из виду изложенное выше. Америка – это общество, преобразующее мир, более того – источник революционных импульсов, подтачивающих построенный на принципах суверенитета международный порядок. При этом она остается традиционной державой, которая сама на односторонней основе защищает свою безопасность, поддерживая – не только в собственных интересах, но и в интересах всего мирового сообщества – международную стабильность. Вторая задача вынуждает

творцов американской политики обращать особое внимание на привычную для США роль оплота мировой стабильности. Несмотря на новые реалии всеобщей взаимозависимости и растущую озабоченность международного сообщества такими новыми касающимися всех проблемами, как экологическое неблагополучие, глобальное потепление, СПИД или нищета, ничто не имеет настолько решающего значения для сохранения мира во всем мире, как мощь Америки. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить такую гипотетическую ситуацию: что произойдет, если Конгресс США примет решение незамедлительно вывести американские вооруженные силы с трех главных плацдармов их зарубежного базирования – из Европы, с Дальнего Востока и из области Персидского залива?

С уходом США из этих мест вся планета, без сомнения, почти немедленно окажется во власти стихии политического кризиса. В Европе часть государств бросится лихорадочно перевооружаться и искать особых соглашений с Россией. На Дальнем Востоке, по всей вероятности, вспыхнет война на Корейском полуострове, а Япония приступит к основательному перевооружению, не упустив возможности обзавестись в том числе и ядерным потенциалом. В зоне Персидского залива доминирующие позиции захватит Иран, наводя страх на сопредельные арабские государства.

Ввиду изложенного выше у Америки есть две долгосрочные стратегические альтернативы: либо начать процесс

постепенного, тщательно контролируемого преобразования собственного превосходства в саморегулирующуюся международную систему, либо положиться главным образом на национальную мощь в расчете на то, что страна сумеет обезопасить себя от международной анархии, которая может последовать за ее отказом от своих обязательств. В ситуации выбора между двумя этими вариантами большинство американцев инстинктивно склоняются к сочетанию политики односторонних действий и интернационализма. Самые консервативные сегменты американского общества и национальных элит отдают явное предпочтение сохранению любой ценой верховенства Америки – выбор, отражающий интересы традиционных структур власти, и ориентированных на оборону секторов американской экономики. Готовность же передать часть власти партнерам-единомышленникам в вопросах построения системы глобальной безопасности более свойственна тем элементам американского общества, которые обычно связаны с либеральными идеями и для которых стремление к социальной справедливости внутри страны предполагает подобную же ориентацию на международном уровне.

Превосходство, однако, не означает всесилия. Какой бы стратегический подход ни избрала Америка, ей придется тщательно продумать, какие регионы мира принципиально важнее с точки зрения ее безопасности, какими способами лучше определить и отстаивать свои интересы и какова до-

пустимая степень международного беспорядка. Задача тех, кому предстоит вынести суждения по всем этим вопросам, чрезвычайно осложняется не только двойственной природой глобальной роли Америки, но и непрерывными изменениями в международной сфере. Хотя государство формально остается главным субъектом на мировой арене, межгосударственная (а не международная в традиционном смысле) политическая жизнь все больше приобретает форму хаотичного трансграничного и зачастую сопряженного с насилием общемирового процесса.

Из приведенных выше соображений можно сделать некоторые выводы применительно к безопасности самой Америки. Первая в перечне главных угроз международной безопасности – полномасштабная стратегическая война – остается по-прежнему серьезной опасностью высшего порядка, хотя уже не считается наиболее вероятной перспективой. В ближайшие годы одной из главных задач американского политического руководства в области безопасности будет сохранение стабильности взаимного ядерного сдерживания США и России. В течение примерно десяти лет Китай вполне может обрести способность нанести непоправимый ущерб американскому обществу в случае стратегической войны с США.

Американская политическая элита полностью осознает этот вызов. Поэтому есть основания полагать, что Соединенные Штаты не прекратят масштабных и дорогостоящих усилий по совершенствованию своего военного потенциала. Как

минимум это предполагает повышение надежности, точности и способности проламывать оборону противника у американских стратегических и тактических ядерных вооружений и различных вспомогательных систем.

Вместе с тем следует ожидать, что возглавляемая Соединенными Штатами и вызванная научно-техническим прогрессом революция в военном деле выдвинет на передний план разнообразные средства ведения боевых действий ниже ядерного порога и в более общем плане поспособствует девальвации центральной роли ядерного оружия в современном конфликте. Вполне вероятно, что Соединенные Штаты произведут – если понадобится, то и в одностороннем порядке, – значительное сокращение своего ядерного арсенала при одновременном развертывании какого-либо варианта противоракетной оборонительной системы. Привлечение, помимо традиционных союзников США, России и Китая к серьезному обсуждению вопросов обороны от «периферийных» ракетных ударов со стороны государств, не располагающих иными стратегическими возможностями, может развеять опасения тех, кто подозревает Америку в стремлении восстановить через противоракетную оборону стратегическое превосходство, которое было у нее в начале 1950-х годов.

Следующие сценарии мировых угроз – крупные региональные войны, чреватые дроблением государств этнические конфликты и революционные вызовы снизу – необя-

зательно представляют прямую опасность для Соединенных Штатов. Даже ядерная война между, скажем, Индией и Пакистаном или Ираном и Израилем, какой бы ни была ужасающей, вряд ли создаст серьезную угрозу территории США. Но в любом случае можно предположить, что Соединенные Штаты воспользуются доступными им политическими и даже военными рычагами влияния, чтобы предотвратить или остановить подобные конфликты. Способность Америки осуществить такую задачу в значительной мере зависит от того, насколько энергичной будет ее превентивная дипломатия и насколько весомыми и реальными покажутся ее заявления о намерении вмешаться в ход событий ради прекращения насилия в соответствующем регионе.

Необходимость выглядеть убедительно в данной роли остается для США веским доводом в пользу поддержания сил, способных под прикрытием американского стратегического «зонта» быстро и результативно проводить операции вмешательства в локальные войны, вне зависимости от территориальной удаленности очага конфликта от Соединенных Штатов. Ключевые слова здесь «быстро» и «результативно». В самом деле, для безопасности США способность к быстрой и решающей интервенции важнее возможности вести одновременно две локальные войны (неопределенной длительности), на которой настаивают, скорее из теоретических соображений, некоторые эксперты по военному планированию.

Способность за короткое время победить в одной локальной войне представляет собой более эффективное средство против развязывания где бы то ни было локальных конфликтов, чем весьма затратное поддержание численности войск, необходимых для параллельного ведения двух локальных войн.

Основополагающая формула возможности решающего вмешательства кроется в комбинации технологических преимуществ, даваемых революционными инновациями в военном деле, прежде всего в отношении точности и подавляющей огневой мощи вооружений, и авиатранспортных средств, достаточных для быстрого развертывания контингента, способного вести интенсивные боевые действия. Наличие достаточного на случай чрезвычайной ситуации потенциала будет весьма уместным, поскольку это обеспечат Соединенные Штаты, уже контролирующие просторы Мирового океана, средствами реагирования на почти любой локальный конфликт, потенциально угрожающий жизненно важным интересам Америки.

О таком потенциале глобального охвата – в пределах досягаемости для Соединенных Штатов – ни одна другая держава мира, безусловно, не может даже и мечтать. Этот разрыв между США и прочими странами сам по себе свидетельствует об уникальном уровне сегодняшнего превосходства Америки. Таким образом, очевидны геополитические преимущества, вытекающие из наличия у Соединенных Штатов

возможностей решающего вмешательства.

Вызовы безопасности, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются на своей собственной территории, не так явны и гораздо сложнее. С одной стороны, речь идет о менее бесспорных источниках опасности, чем описанные выше угрозы; с другой стороны, эти факторы, плохо поддающиеся выявлению и нейтрализации, могут получить дальнейшее распространение. Именно здесь начинается та сумеречная зона, где не так просто провести черту между осторожностью и паранойей и где просматриваются неоднозначные внутриполитические последствия для Америки.

До событий 11 сентября американцы были озабочены в основном вероятностью ракетного нападения либо угрозы нападения на Соединенные Штаты со стороны «государств-изгоев», таких как Иран или Северная Корея[6]. В кон-

---

[6] Вообще говоря, нужно с осторожностью относиться к так называемой разведывательной информации о разрабатываемом другими странами оружии, особенно когда подобные сведения поступают из зарубежных источников. Показательным примером служит корреспонденция под заголовком «Иран может оказаться способным создать атомную бомбу через пять лет – опасаются официальные лица США и Израиля», напечатанная в «Нью-Йорк таймс» с пометкой «Тель-Авив, 3 января 1995 г.». В газете приводились слова «высокопоставленного официального лица», заявившего, что, «если какая-нибудь иностранная держава не воспрепятствует Ирану в выполнении этой программы, ядерный заряд будет в его распоряжении примерно через пять лет». Через семь лет, 19 марта 2002 г., директор ЦРУ заверял Конгресс в том, что «по оценкам большинства представителей сообщества разведывательных служб, вполне вероятно, что к 2015 году США столкнутся с угрозой межконтинентального ракетного удара со стороны Северной Кореи и Ирана» и что «Тегеран может оказаться способен

це 2000 года администрация Клинтона даже назвала срок, когда, по ее мнению, опасность подвергнуться удару северокорейских межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками станет реальной, – 2005 год – и объявила о планах строительства радарной станции в рамках предполагаемого развертывания противоракетной оборонительной системы, предназначенной для компенсации этой угрозы. Впоследствии администрация Джорджа У. Буша ясно продемонстрировала решимость продолжать работы по созданию еще более основательного варианта национальной системы противоракетной обороны, хотя ее технические характеристики и радиус действия уже подлежали обсуждению с основными партнерами США, а также с Россией и предположительно с Китаем.

И администрация Клинтона, и сменившая ее администрация Буша принимали во внимание искреннюю обеспокоенность общества из-за того, что враждебные Америке стра-

---

самостоятельно произвести достаточное для создания ядерного оружия количество расщепляющихся материалов к концу текущего десятилетия». Кроме того, как показывает опыт всех ядерных держав, при создании надежной ядерной боеголовки и средств доставки достаточной точности не обойтись без многочисленных испытаний. Скрыть такие испытания почти невозможно. Единственное исключение может составлять Израиль, который, как считают, тайно обзавелся ядерным арсеналом. Но у Израиля были неформальные каналы доступа к технической информации, полученной в результате испытаний, проведенных Соединенными Штатами и ранее Францией. И даже несмотря на это, многие подозревают Израиль в том, что в конце 1970-х годов он провел как минимум одно ядерное испытание совместно с правительством Южной Африки, при режиме апартеида.

ны однажды получат в свое распоряжение оружие массового поражения и средства его доставки. Обе администрации были неравнодушны и к политическим дивидендам, которые сулил любой проект, обещавший восстановить традиционное для Америки чувство особой защищенности. Технически инновационные оборонительные системы, призванные скрасить жестокую реальность взаимной уязвимости, выглядели безусловно привлекательным решением. Кроме того, достоинства противоракетной обороны отстаивали некоторые заинтересованные группы американского общества: от кругов, связанных с аэрокосмической промышленностью, до некоторой части электората, озабоченной тем, что Ирак или Иран получат возможность угрожать разрушительным ракетным ударом Израилю. Благодаря этому идея противоракетной обороны оказалась вполне уместной.

Однако потенциальные выгоды любой системы противоракетной обороны с точки зрения безопасности надо сопоставить с преимуществами противодействия другим аспектам уязвимости. Каждый доллар, потраченный на противоракетную оборону, сокращает средства на борьбу с иными опасностями, угрожающими Соединенным Штатам. Само по себе это не может служить аргументом против разработки и последующего развертывания противоракетных комплексов, принимая во внимание наличие синергической взаимосвязи между наступательными и оборонительными вооружениями. Однако нельзя не отметить, что, прежде чем развер-

тывать какую-либо систему противоракетной обороны, следует тщательно оценить альтернативные потребности США в сфере безопасности. Это тем более важно, что некоторые другие угрозы способны доставить значительно больше беспокойства.

Например, чрезвычайно трудно поддаются отражению и политически дезориентируют внезапные нападения, источник которых неведом. Вызывает сомнения, что даже среди так называемых государств-изгоев, обладающих ракетным потенциалом, найдется настолько безрассудное правительство, чтобы нанести удар по Америке средствами, раскрывающими, кто именно совершает нападение, как это, конечно, случится при запуске ракеты. Ракетное нападение почти наверняка спровоцирует сокрушительную акцию возмездия со стороны США, которая, ко всему прочему, уменьшит вероятность второго удара по Соединенным Штатам.

В то же время внезапный ядерный взрыв на борту неприметного судна в каком-то американском порту – возможно, на одном из тех кораблей, более тысячи которых еженедельно пересекают Атлантику, – способен стереть с лица Земли прилегающий город. И не окажется никого, кто поставит себе это в заслугу и кого можно будет покарать за содеянное. Совершить подобную акцию проще, чем оснастить межконтинентальную баллистическую ракету надежной боеголовкой точного наведения, а происшедшее значительно тяжелее скажется на моральном духе американцев. Притом выбрать

объект для возмездия будет отнюдь не просто, а страх перед повторением трагедии способен мгновенно охватить все американские города, порождая панику.

То же самое касается и террористического акта со стороны организации, полной решимости причинить вред американскому обществу, дезорганизовать и запугать его. Особенно заманчивую цель для нападения представляют собой густонаселенные крупные города. Анонимное нападение может посеять там панику и спровоцировать неадекватно жесткие ответные действия против других государств или религиозных и этнических групп; нависнет угроза над гражданскими свободами в США. Как ярко показала паника по поводу возможной эпидемии сибирской язвы вскоре после событий 11 сентября, широкомасштабное применение бактериологических препаратов способно дать толчок цепной реакции летальных эпидемий и массовой истерии, для борьбы с которыми ресурсов существующих в США служб здравоохранения недостаточно. Подобным же образом всеобъемлющая атака на компьютеризированные энергетические сети, системы связи и авиалинии США может буквально парализовать американское общество и привести его к социальному и экономическому коллапсу. Короче говоря, присущие современному обществу высокая концентрированность и технологическая взаимозависимость делают его удобной мишенью для анонимных актов громадной разрушительной силы, предотвратить которые чрезвычайно трудно.

Все эти угрозы – от широко известных до самых нетрадиционных – должны быть предметом пристального внимания при составлении планов на случай чрезвычайных ситуаций, а возможно, и поводом для превентивных акций. Возможности системы национальной безопасности должны накрывать все реальные потребности, и будет серьезной ошибкой чрезмерно драматизировать одну угрозу в ущерб защите от других. К безотлагательным мерам по укреплению безопасности относятся, среди прочего, повышение уровня готовности внутренних служб страны к преодолению чрезвычайных последствий ударов по городским центрам, повышение эффективности пограничного контроля для предотвращения ввоза в Соединенные Штаты компонентов оружия массового поражения и совершенствование защиты жизненно важных с экономической и военной точек зрения государственных компьютерных систем[7].

Но если мы хотим действительно поднять уровень защи-

---

[7] Масштабы проблемы проиллюстрирую двумя цитатами из статьи Стивена Флинна «Уязвимая Америка»: «…большая часть материальной структуры промышленных предприятий, телекоммуникационных и энергетических систем, систем водоснабжения и транспортных сетей на территории США либо не защищена вовсе, либо обеспечена защитой лишь от случайных вандалов, воров или хакеров-непрофессионалов… За 2000 год через пункты пограничного контроля США проследовали 489 миллионов человек, 127 миллионов пассажирских автомобилей, 11,6 миллиона морских контейнеров, 11,5 миллиона грузовых автомобилей, 2,2 миллиона железнодорожных вагонов, 829 000 самолетов и 211 000 судов». (*Flynn S.E.* America the Vulnerable // Foreign Affairs. – N.Y., 2002. – Jan.-Feb. – P. 63–64.)

ты нашей территории, а не заниматься перетасовкой бюрократических ведомств, то важнейшим должно стать получение надежной разведывательной информации. Ведь невозможно обезопасить от террористической атаки каждое сооружение, каждую футбольную площадку, каждый торговый центр в стране. Неизбежно настанет момент, когда все попытки сделать это рухнут под грузом обременительных правил надзора и чрезмерных затрат. А террористы будут ликовать, всего лишь устраивая одно за другим ложные сообщения о готовящихся терактах. Возможно, что это они уже давно делают, вынуждая Америку поспешно вывешивать вызывающие смятение цветные ленты – сигналы тревоги.

Гораздо более продуктивен для укрепления безопасности подход, предполагающий масштабные организационные и финансовые меры, расширяющие возможности государственных разведывательных служб. Главными направлениями этих усилий должны стать обновление технических средств наблюдения, немедленное выявление подозрительной деятельности, более эффективная и повсеместная работа по вербовке агентов для проникновения в правительственные структуры недружественных стран и в террористические организации, а также проведение тайных операций с целью сорвать направленные против Америки заговоры, положив им конец на ранней стадии. Каждый доллар, затраченный на превентивную разведывательную деятельность, стоит, наверное, десяти долларов, истраченных фактически

вслепую в рамках общего ужесточения мер безопасности на потенциально привлекательных для террористов объектах.

Помимо наличия подлинной готовности нации к отражению вызовов безопасности, общество должно осознать, что некоторая степень уязвимости стала атрибутом современной жизни. Нагнетание в стране паники отдельными заинтересованными кругами американского общества, периодические кампании в средствах массовой информации против какой-либо страны-изгоя, избранной на роль очередного «врага года» для Америки, – Ливии, Ирака, Ирана, Северной Кореи и даже Китая, – рискуют сформировать параноидальное восприятие Америки во всем мире и вряд ли отвечают задачам широкомасштабной государственной стратегии, призванной направить глобальное противоборство в более спокойное и контролируемое русло.

Определение новой угрозы

Дилеммы, проистекающие из новой для Америки уязвимости в отношении безопасности, позволяют утверждать, что Соединенные Штаты находятся на пике третьей в своей истории большой волны судьбоносных дебатов о государственной обороне. В первый раз споры разгорелись вскоре после завоевания независимости вокруг того, пристало ли только что добившемуся свободы американскому государству содержать в мирное время регулярную армию и какие

меры предосторожности надо принять, чтобы ее наличие не привело страну к деспотизму. Конгресс США первоначально не имел желания создавать постоянную армию, и Александру Гамильтону пришлось обратиться к нему с предостережением на страницах «Федералиста», предупреждая, что без такой армии «Соединенные Штаты представят самое необычайное зрелище, какое только наблюдал мир, – страну, которую собственная Конституция лишает возможности готовиться к обороне прежде, чем ее захватит неприятель»[8].

Вторая волна продолжительных дебатов, имевших настолько же важнейшие последствия, происходила после Первой мировой войны из-за отказа Америки от членства в Лиге Наций. Дебаты завершились почти через 30 лет, уже после Второй мировой войны, достигнутым решением Соединенных Штатов взять на себя бессрочные обязательства по отношению к европейской безопасности в соответствии со статьей 5 Североатлантического договора. Одобрение Договора Конгрессом подразумевало коренной пересмотр смысла и границ национальной безопасности США: оборону Европы отныне следовало рассматривать как передовую линию обороны самой Америки. Атлантический альянс стал основой американской оборонной политики.

Третья волна дебатов тоже, по-видимому, завершится

---

[8] *Urwin G.* The Army of the Constitution: The Historical Context //…to insure domestic Tranquility, provide for the common defence… / Ed. by Manwaring M. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2000. – P. 45.

нескоро и вызовет раздоры как внутри страны, так и за рубежом. По сути, предстоит ответить на вопрос, насколько далеко готовы зайти Соединенные Штаты в стремлении сделать максимальной собственную безопасность, какие финансовые и политические издержки при этом допустимы и в какой мере дозволительно рисковать стратегическими связями с союзниками Америки. Хотя открытые баталии развернулись после событий 11 сентября, признаки, предвещавшие третьи «Великие дебаты», забрезжили еще в середине 1980-х годов, когда предложенная президентом Рейганом «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) породила острые внутриполитические и международные разногласия. Проект СОИ отражал своевременно осознанный факт, что развитие технологии меняет соотношение между наступательными и оборонительными вооружениями, а периметр системы национальной безопасности перемещается в космическое пространство. СОИ, однако, была сосредоточена в основном на защите от одной, отдельно взятой угрозы, исходившей от Советского Союза. С исчезновением этой угрозы лишился смысла и сам проект.

Через десятилетие в процессе третьего в истории США принципиального пересмотра подходов к национальной безопасности в фокусе внимания постепенно оказалась более широкая проблема – способность общества к сохранению на фоне почти неизбежного распространения и диверсификации оружия массового поражения непрерывных волнений в

мире и растущей угрозы терроризма. Совокупное влияние этих факторов делает значительно более тесной взаимозависимость между состоянием дел на планете в целом и безопасностью американской территории.

Но даже если роль Америки в обеспечении безопасности ее союзников и – в более широком плане – поддержании общемировой стабильности оправдывает ее притязания на бóльшую степень национальной безопасности по сравнению с реалиями других государств, все же времена абсолютной безопасности миновали – это непреложный факт. Защита территории заокеанских союзников США перестала служить дальним щитом для самой Америки. Но если военные специалисты уже давно обеспокоены складывающимся положением, то широкой общественности истина открылась лишь 11 сентября.

Безопасность Америки впредь следует рассматривать в неразрывной связи с международной обстановкой. Неудивительно, что после событий 11 сентября приоритетность волнующих общество вопросов изменилась: заметно снизилась значимость идеалистических целей, в то время как озабоченность собственной безопасностью заметно усилилась. Однако планирование в одностороннем порядке и нацеленность на единоличное обеспечение внутренней и международной безопасности не гарантируют долговременную безопасность. Поддержание беспрецедентного всеобъемлющего военного потенциала США и повышенной способности

американского общества к выживанию необходимо подкреплять систематическими усилиями, направленными на расширение зон общемировой стабильности, устранением некоторых самых вопиющих причин политического насилия и поддержкой политических систем, признающих права человека и конституционные механизмы основополагающими. Отныне уязвимость Америки будет возрастать всякий раз, когда демократия за ее пределами окажется под угрозой отступления, а демократия эта, в свою очередь, станет более уязвимой, если Америка позволит себя запугать.

Центральный вопрос третьих «Великих дебатов» о национальной безопасности Америки – как опознать угрозу? Ответ во многом зависит от истолкования того, с кем происходит противостояние. Поэтому его интерпретация представляет собой не просто интеллектуальное упражнение, а стратегически важное действие, у которого есть несколько аспектов. Определение угрозы должно стать трамплином для мобилизации усилий государства. На основе его предстоит выявить, что именно поставлено на карту, а также не только обнаружить сущность угрозы, но и хотя бы отчасти уловить ее сложную природу. Оно должно позволить провести разграничение между неотложными и более долгосрочными задачами. И наконец, такое определение поможет выявить долговременных союзников, временных партнеров, скрытых оппонентов и открытых врагов.

Поскольку в Америке демократия, определение угрозы

должно быть понятным обществу, чтобы то было готово выдержать материальные лишения, необходимые для отражения опасности. Для этого нужны ясность и конкретность, хотя при этом возникает соблазн прибегнуть к демагогии. Мобилизовать общество на длительное напряжение сил проще, если угрозу персонифицировать, идентифицировать как зло и тем более создать ее тиражируемый стереотип. В человеческом бытии, и особенно в международной жизни, ненависть и предубеждение несут значительно более мощный эмоциональный заряд, чем сочувствие или привязанность. Кроме того, эти отрицательные чувства легче поддаются выражению, чем значительно более близкая к истине картина неизбежно сложных исторических и политических мотиваций, сказывающихся на поведении государств и даже террористических группировок.

Ход публичных дебатов, развернувшихся в Соединенных Штатах после 11 сентября, подтверждает эти соображения. Внимание общества в той мере, как это отражают выступления политических лидеров и редакционные статьи в ведущих изданиях, в основном сосредоточилось на терроризме как таковом, на его природе, неустанно ассоциируемой со злом, и на пресловутой личности Усамы бен Ладена, приковавшей к себе всеобщее внимание. Президент Буш проявил склонность трактовать угрозу чуть ли не в богословских терминах (вероятно, в силу своей религиозности), рассматривая ее как схватку между «добром и злом». Он даже восполь-

зовался ленинской формулой «кто не с нами – тот против нас» – принцип, всегда импонирующий взбудораженной общественности, но несущий в себе черно-белое видение мира, игнорируя все те оттенки серого, в которые окрашено большинство глобальных дилемм.

В претендующих на более высокий интеллектуальный уровень обсуждениях событий 11 сентября чаще всего указывалось в неопределенно-обобщенной форме на исламский образ мышления, изображавшийся религиозно и культурно враждебным западным (и особенно американским) представлениям о современности. Конечно, администрация США благоразумно старалась не отождествлять терроризм с исламом, всячески стараясь подчеркнуть, что на ислам как таковой вина не возлагается. Но некоторые сподвижники оказались не настолько щепетильны в таких нюансах. Они довольно быстро инициировали кампанию, в ходе которой обществу внушалось: вся исламская культура настолько враждебна Западу, что неизбежно подпитывает террористические нападения на Америку. При этом старательно избегались обсуждения проблемы выявления реальных политических мотиваций, стоящих за феноменом терроризма.

Почти теологический подход президента Буша обладал, помимо политически-мобилизующего эффекта, дополнительным тактическим достоинством – объединить в одной простой формуле несколько источников угрозы, вне зависимости от того, связаны они между собой или нет. Произне-

ся в начале 2002 года свои знаменитые слова об «оси зла», президент риторически смешал воедино независимые проблемы, инициируемые Северной Кореей для стабильности в Северо-Восточной Азии, Ираном с его масштабными амбициями в районе Персидского залива, а также оставшиеся от незавершенной кампании 1991 года против иракского правителя Саддама Хусейна. Тем самым зловещие дилеммы, создаваемые стремлением этих государств обзавестись ядерным оружием, оказались за общей ширмой морального осуждения трех конкретных, но не объединенных союзом режимов (два из которых, по сути, считают друг друга врагами) и привязаны к пережитому только что американским народом болезненному опыту непосредственного столкновения с терроризмом.

Сам американский народ, пожалуй, может на какое-то время удовольствоваться «осью зла» в качестве примерного определения нависшей угрозы. Но встают две другие проблемы. Во-первых, поскольку безопасность Америки связана теперь с глобальной безопасностью и кампания против терроризма нуждается во всемирной поддержке, важно, чтобы другие народы за пределами Америки согласились с такими задачами. Произойдет ли это? Во-вторых, содержит ли такая формулировка адекватный диагноз и закладывает ли она надлежащий фундамент для долговременной и успешной стратегии реагирования на тот вызов, который бросают как по отдельности, так и совместно друг с другом терроризм

и распространение оружия массового поражения?

Трудность состоит в том, что администрация весьма туманно определила то явление или те силы, с которыми американцев призывают сражаться в ходе «войны с терроризмом». Ясности не прибавилось и после того, как президент низвел (либо возвысил, в зависимости от точки зрения) террористов до «творцов зла», о которых вроде как ничего больше не известно и чьи мотивации, оказывается, просто внушены сатаной. Называть врагом терроризм – значит расписаться в блаженном неведении относительно того, что терроризм – это применяемый индивидуумами, группами и государствами смертоносный метод устрашения. Войны не ведут против методов или тактики действий. Например, никто не стал бы провозглашать в начале Второй мировой войны, что она ведется против «блицкрига».

Терроризм как метод борьбы применяется определенными людьми, как правило, в политических целях, вполне поддающихся определению. Поэтому почти за каждым террористическим актом скрывается политическая проблема. Террористы намеренно прибегают к жестоким и не совместимым с моралью атакам на гражданское население, на символизирующих какие-либо институты отдельных лиц или материальные объекты, рассчитывая на политический эффект[9].

[9] Иными словами, «терроризм и связанная с ним асимметрия возникают тогда, когда у маргинализированной самопровозглашенной элиты чувство безысходности, порождаемое тем, что воспринимается ею как несправедливость, угнетение и неравенство, переходит в стремление к насилию… Эти конкретные мужчины и

Чем слабее и фанатичнее политические экстремисты, тем они более склонны предпочесть другим методам борьбы самые бесчеловечные формы терроризма. Их безжалостный расчет состоит в провоцировании возмездия со стороны более сильного противника в таком масштабе, что это обеспечит террористам дополнительную поддержку и даже легитимность. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что терроризм есть продолжение политики иными средствами.

Соответственно, для борьбы с терроризмом необходимо противопоставить ему продуманную кампанию, в рамках которой надо не только ликвидировать самих террористов, но также выявить и принять во внимание (в какой-либо адекватной форме) лежащие в основе их действий политические побуждения. Настаивать на понимании – не значит оправдывать террористов или призывать к их умиротворению. Почти все террористические группировки образовались на почве политических конфликтов: конфликты их создают, и они же служат их питательной средой. Так обстояло дело с Ирландской республиканской армией (ИРА) в Северной Ирландии, испанскими басками, палестинцами Западного берега и Газы, российскими чеченцами и всеми прочими подобными движениями[10].

женщины готовы убивать и разрушать, а возможно, умереть при этом во имя поставленных перед собой целей» (The Inescapable Global Security Arena. Authored by Dr. Max G. Manwaring. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2002. – P. 7.)

[10] Политолог Роберт Пэйп из Чикагского университета, автор исследования о действиях террористов-смертников за период с 1980 по 2001 год, установил, что

Будучи чем-то новым для Америки, терроризм – вовсе не новое явление в других частях планеты. Начиная с середины XIX века и примерно до Первой мировой войны он был широко распространен в Европе и царской России. Происходили тысячи вооруженных нападений, в том числе убийства высокопоставленных особ и взрывы зданий. В одной только России от рук террористов погибли более 7000 государственных лиц и полицейских чинов, включая царя. Что касается других стран, то самый впечатляющий из совершенных там террористических актов – убийство в Сараево австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда – оказался той самой искрой, из-за которой заполыхал пожар Первой мировой войны.

Британцам в недавнем прошлом довелось несколько десятилетий страдать от терроризма ИРА: потери среди гражданского населения в результате взрывов, организованных активистами ИРА в Британии, исчисляются сотнями людей, среди которых есть даже представители высшей ветви королев-

---

из 188 рассмотренных им терактов «179, возможно, имеют отношение к масштабным и последовательно реализуемым политическим либо военным кампаниям». Он также отмечает, что «существует лишь слабая связь между действиями террористов-самоубийц и исламским фундаментализмом, как и любыми другими религиозными убеждениями. В реальности главными подстрекателями совершаемых смертниками акций выступают «тамильские тигры» в Шри-Ланке – организации марксистско-ленинского толка, члены которой происходят из индуистских семей, но категорически отрицают любую религию (на их долю приходится 75 из 188 исследованных акций)». (См. *Pape R*. Dying to Kill Us // The New York Times. – 2003. – Sept. 22.)

ской семьи. Убийства официальных лиц высокого ранга происходили за последние годы в нескольких европейских государствах, прежде всего в Испании, Италии, Германии, и этот перечень можно продолжать еще очень долго[11]. Совсем не пассивно ведут себя террористические группировки как левого, так и правого толка в Латинской Америке, где их жертвами стали уже десятки тысяч человек.

Терроризм, выросший на почве этнического, национального или религиозного протеста, особенно живуч и менее всего поддается искоренению путем уничтожения террористов. Истоки терроризма – в социальном недовольстве, которое, даже если подкреплять идеологическими догмами в духе радикального марксизма, в целом имеет тенденцию к спаду, если дело террористов не встречает сочувствия в данном обществе. Социальная изолированность приводит к деморализации части террористов, облегчая поимку остальных. Несколько бóльшую устойчивость (как свидетельствует опыт Китая и Латинской Америки) имеет терроризм, обладающий специфической опорой в лице отчужденного и географически отделенного социального класса, например крестьянства, особенно когда он поддерживается партизанским дви-

---

[11] Достаточно примера одной только Италии: Франко Феракути насчитал не менее 14 569 террористических актов, совершенных в Италии в период между 1969 и 1986 годами, в результате которых погибли 415 человек. Максимальное число террористических инцидентов – 2513 – произошло в 1979 году. (*Ferracuti F.* Ideology and Repentance: Terrorism in Italy // Origins of Terrorism / Ed. by Reich W. – Washington: Woodrow Wilson Center Press, 1998. – P. 59.)

жением. Но максимальную сопротивляемость физическому подавлению проявляет терроризм, вдохновляемый историческими мифами об общем этническом происхождении и подогреваемый религиозным рвением.

Сами террористы, вероятно, неисправимы, но с условиями, которые их создали, дело не обязательно обстоит так же. Об этом различии важно помнить. Террористам свойственно жить в собственном мире, заслонившись от реальности патологической уверенностью в своей правоте. Насилие становится для них не просто средством достижения некоторой цели, но raison d'être, смыслом существования. Вот почему без устранения террористов не обойтись. Но чтобы их ряды не пополнялись, необходима взвешенная политическая стратегия, призванная ослабить весь комплекс благоприятствующих терроризму политических и культурных факторов. Корни всего, что питает террористические движения, должны быть политически подрублены.

Очевидно, что неистовость совершенных 11 сентября терактов и особенно выбор Америки в качестве объекта этих вопиющих преступлений объясняются в основном политической историей Ближнего Востока. Вдаваться в ее подробный анализ необязательно, ведь и террористы явно не углубляются в изучение трудов по истории, прежде чем встать на путь насилия. Ненависть, толкающая их в конечном итоге к террору, формируется скорее общим эмоциональным контекстом недовольства и обид, которые они ощущают, наблю-

дают или знают из рассказов окружающих.

Политический настрой арабского населения Ближнего Востока – это результат столкновения стран региона с французским и британским колониализмом, провала попыток арабского сообщества предотвратить возникновение Израиля, подобного же обращения Израиля с палестинцами, а также установления прямого и косвенного контроля Америки над регионом. Наиболее экстремистские политические и религиозные силы региона рассматривают ее присутствие как оскверняющее священную чистоту исламских святынь святотатство (совершенное вначале в Саудовской Аравии, а теперь в Ираке), как препятствие к благоденствию арабского народа и инструмент пристрастной поддержки Израиля в его конфликте с палестинцами. Хотя политическое рвение экстремистов возбуждается религиозным пылом, примечательно, что некоторые из террористов, причастных к событиям 11 сентября, вели явно нерелигиозный образ жизни. Так что нападение на Всемирный торговый центр во второй раз за пять лет имело очевидный политический подтекст.

От исторических фактов не уйти: главной причиной того, что острие терроризма оказалось направлено на Америку, стала, несомненно, вовлеченность США в ближневосточные дела, точно так же как английское присутствие в Ирландии спровоцировало многочисленные акции ИРА против объектов в Лондоне и самой королевской семьи. Британцы осознавали этот основополагающий факт и старались принимать

его во внимание в своих ответных шагах как на силовом, так и на политическом уровне. Америка же, напротив, продемонстрировала удивительное нежелание задуматься над политической подоплекой терроризма и идентифицировать его политический контекст.

Чтобы одержать победу над ближневосточными террористами, требуются усилия сразу по двум главным направлениям: уничтожая террористов, необходимо в то же время налаживать политический процесс, направленный на преодоление тех условий, в которых они возникают. Именно так, а не иначе, ведут себя британцы в Ольстере и испанцы в Стране Басков. Именно так русских призывают действовать в Чечне. Внимание к политической подоплеке возникновения терроризма – это не уступка террористам, а непременная составная часть стратегии ликвидации и изоляции террористического подполья.

Неготовность Америки признать зависимость между событиями 11 сентября и современной политической историей Ближнего Востока, где бушевание политических страстей на почве религиозного фанатизма и неистового национализма сочетается с политической слабостью и нестабильностью, – это опасная форма отрицания действительности. Достаточно вспомнить весну 2002 года, когда Соединенные Штаты проявили готовность одобрять даже самые жесткие меры, предпринимаемые Израилем для подавления палестинского движения, рассматривая их как часть борьбы с терроризмом.

Нежелание признать историческую связь между подъемом направленного против Америки терроризма и присутствием Америки на Ближнем Востоке чрезвычайно затрудняет создание формулы эффективного стратегического ответа на террористический вызов.

Первоначальная поддержка, оказанная миром Америке после преступления 11 сентября, была, как уже отмечалось выше, и выражением искреннего сочувствия, и своевременным подтверждением лояльности. Но солидарность, впрочем, не означала согласия с американским толкованием характера угрозы. И по мере того, как оно облекалось в риторические одежды и формулировалось во все более жестких выражениях, достигших кульминации в виде провозглашения «оси зла», в американском понимании терроризма все больше видели оценку, оторванную от политического контекста этого явления.

Неудивительно, что уже через полгода после событий 11 сентября почти единодушная всемирная поддержка Америки сменилась возрастающим скептицизмом в отношении официальных формулировок США по поводу общей угрозы. Америка рискует постепенно остаться в одиночестве во всем, что касается политических аспектов тревожащих ее опасностей. Между тем угроза может приобрести еще более пугающие размеры, поскольку средства высокой поражающей способности становятся все более доступными не только для государств, но и для подпольных организаций.

Соединение терроризма с распространением оружия массового поражения (ОМП) – это действительно устрашающая перспектива. Но и к этой проблеме нельзя подходить с позиций абстрактных рассуждений на тему «зла» или полагаясь лишь на американское могущество. Дело осложняется тем, что поведение самой Америки в сфере распространения ОМП не так уж и безупречно. Соединенные Штаты содействовали усилиям Великобритании в создании ядерного потенциала, негласно помогали в том же Франции, попустительствовали, а возможно, и напрямую помогали ядерным программам Израиля, закрыли глаза на подобные действия Китая, Индии и Пакистана и, наконец, проявили неразборчивую беспечность к собственным ядерным секретам. Когда критики укоряют США в том, что все их нынешние опасения по поводу распространения ОМП запоздали, в этом есть доля правды.

Кроме того, очень многие за рубежом, прежде всего в Западной Европе, ставят под сомнение побудительные мотивы Америки, подозревая, что ее внезапная глубокая озабоченность распространением таких видов оружия лишь отчасти продиктована шоковым эффектом 11 сентября. Одной из причин обеспокоенности Америки потенциальным появлением оружия массового поражения и средств его доставки у Ирана и Ирака, столь ярко контрастирующей с равнодушием к наличию ядерного оружия у Израиля, считают понятную заинтересованность Израиля в разоружении этих госу-

дарств и недопущении их перевооружения в будущем. Включение Северной Кореи в «ось зла» обычно интерпретируется как намеренный ход в расчете скрыть более узкий, односторонний характер позиции Америки, которую тревожит процесс распространения ОМП именно в ближневосточном регионе.

Стремление некоторых иностранных государств связать с объявленной Америкой войной против терроризма решение своих собственных задач внесло еще больше неразберихи в определение угрозы, создав дополнительный риск превращения этой войны в объект политического «пиратства» со стороны других держав. Знаменательно, что и премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, и Президент России Владимир Путин, и бывший председатель КНР Дзян Цзэминь ухватились за понятие «терроризм», чтобы реализовать собственные замыслы. Всем троим расплывчатое американское определение «глобального терроризма» пришлось как нельзя более кстати, послужив удобным оправданием операций по подавлению, соответственно, палестинцев, чеченцев и уйгуров.

Отправной точкой для поиска эффективного ответа на угрозу террора в сочетании с распространением ядерного оружия должно стать признание наличия связи обоих этих явлений с конкретными региональными проблемами. Никакие разговоры о «глобальном терроризме» не помогут заслонить региональность происхождения террористов, впол-

не определенную направленность их ненависти или их религиозные корни. Подобным же образом угроза распространения ОМП, особенно в ее взаимосвязи с поощряемым на государственном уровне терроризмом, имеет преимущественно региональное, а не глобальное происхождение.

Из этого следует, что эффективно противодействовать все более опасному стремлению Северной Кореи к обладанию ядерным потенциалом, чреватому цепной реакцией его дальнейшего распространения, можно лишь с учетом сложившегося в Северо-Восточной Азии регионального контекста и принимая во внимание как специфические, так и коллективные интересы Южной Кореи, Китая и Японии. Независимо от формулы «оси зла», успешно решить эту проблему можно только на основе признания и удовлетворения особых интересов ведущих государств региона. Верность этого тезиса подтверждается той настойчивостью, с которой Америка пытается вовлечь Северную Корею в многосторонний региональный диалог по вопросам нераспространения, столь резко контрастирующей с американской политикой в отношении Ирака и Ирана.

Ответы на вызовы терроризма и распространения ОМП не могут быть найдены без Америки, но они, конечно же, не могут исходить исключительно от одной Америки. Война против ближневосточного терроризма приведет к реальному уничтожению террористических организаций лишь тогда, когда они утратят социальную опору и, следовательно,

способность пополнять свои ряды и когда наконец иссякнут источники их финансирования. Даже одержав подобную победу, едва ли можно будет ощутить ее плоды немедленно. Поставить же под контроль распространение ОМП удастся, если действия подозреваемых государств либо станут объектом эффективных международных инспекций, либо будут жестко пресекаться внешней силой. В обоих случаях решающую роль будет играть деятельное участие Америки, но добиться результата окажется намного легче, если американские инициативы завоюют искреннюю международную поддержку.

Конечно же, Соединенные Штаты достаточно могущественны, чтобы сокрушить Северную Корею или любое ближневосточное государство, помочь Израилю обеспечить свою безопасность и сохранить контроль над всем Западным берегом и Газой, чтобы поддержать антитеррористические карательные силовые операции против Сирии и удержать египтян или саудитов от антиамериканских либо антиизраильских действий. Что касается военной кампании против Ирана, то ее можно свести к выборочным ударам по иранским объектам, причастным к созданию оружия массового поражения, ограничив тем самым масштабы необходимых военных усилий.

Подобного рода действия могут поставить заслон распространению ядерного оружия хотя бы на ближайший период. Но их способность излечить террористический недуг весьма

сомнительна. Несомненно, они вызовут еще более мощную волну негодования в адрес Америки и будут восприняты как насаждение нового порядка в регионе в духе неприкрытого колониализма. Помимо этого, подобные меры, по всей вероятности, подвергнутся резкому международному осуждению, особенно в Европе, не говоря уже о реакции исламского мира. Вследствие этого на карту могут быть поставлены американские позиции в Европе, а «война с терроризмом» превратится в сугубо американское и преимущественно антиисламское предприятие. Нарисованная Сэмюэлем Хантингтоном картина «столкновения цивилизаций» станет самоисполняющимся пророчеством.

И наконец, последнее, но не менее важное соображение: политика одностороннего принуждения вызовет в международном сообществе такие умонастроения, что государства, не желающие подвергнуться шантажу, посчитают своей первоочередной задачей тайное приобретение ОМП. Причем у этих государств появится дополнительная мотивация поддерживать террористические группировки, а те, одержимые жаждой мести, с еще большей вероятностью могут анонимно применить оружие массового поражения против Америки. Принцип выживания сильнейших, всегда присутствовавший в какой-то мере в международной политике (хотя его роль постепенно ослаблялась регулирующими поведение государств международными соглашениями), утвердится в качестве высшего закона глобальных джунглей. В долгосроч-

ном плане все это может обернуться для Америки фатальным разрушением основ ее национальной безопасности.

Вот почему один из призывов, прозвучавших в ходе третьих «Великих дебатов» о безопасности Америки, – отказаться от Атлантического альянса в пользу новой «коалиции партнеров-единомышленников» – глубоко ошибочен. Хотя об этом не говорят открыто, речь идет о попытке некоторой весьма твердо настроенной группы в администрации Буша и части самых консервативных политических кругов предпринять стратегический маневр, направленный на смену базовых геополитических приоритетов Америки. Данная группа, по сути, стремится предложить обоснование, мотивацию и стратегию образования под руководством Америки новой глобальной коалиции взамен той, что была взращена ею после 1945 года, в период «холодной войны».

Коалиция времен «холодной войны», основанная на общих ценностях и неприятии коммунистической диктатуры, создавалась для противостояния советской мощи. Главным воплощением коалиции стал Атлантический союз (формально проявляющийся в структурах НАТО), призванный сдерживать дальнейшую советскую экспансию; затем последовал отдельный «договор безопасности» с Японией. Крушение Советского Союза в 1991 году не только ознаменовало исторический триумф демократического альянса, но и поставило на повестку дня вопрос о его будущей миссии. В результате в течение десяти последующих лет происходило расширение

союза параллельно с попытками постепенно распространить его за пределы Европы.

Террористическая атака 11 сентября сыграла на руку тем кругам, по убеждению которых естественными и первоочередными партнерами Америки надо считать государства, находящиеся в состоянии какого-либо конфликта с мусульманами, будь то Россия, Китай, Израиль или Индия. Кое-кто даже утверждает, что Америка должна озаботиться переустройством Ближнего Востока и, применив свою мощь во благо демократии, подчинить своей воле арабские государства, сокрушить исламский радикализм и сделать регион безопасным для Израиля. В американском обществе эти идеи разделяют различные правые, неоконсервативные и религиозно-фундаменталистские течения. А благодаря страху перед терроризмом они пользуются немалой популярностью у населения.

Однако, в отличие от предыдущей коалиции, у предлагаемой стратегической формулы мало шансов на длительную политическую жизнь. Подобное партнерство, основанное не столько на общих ценностях, сколько на совпадении тактических целей, будет носить конъюнктурный характер. В лучшем случае оно сможет привести к краткосрочному соглашению, способному лишь содействовать распаду великого демократического альянса, который Америка успешно крепила уже более 40 лет, но никак не заменить его.

Не исключено, что к риску такой перемены добавится

обильно приправленный риторикой пересмотр американской стратегической доктрины. О подобной тенденции свидетельствует речь, с которой президент Буш выступил 1 июня 2002 г. в Уэст-Пойнте. Рассылая ее текст представителям внешнеполитического сообщества по электронной почте, пресс-служба Белого дома сопроводила его следующим комментарием: в выступлении «формулируется новая доктрина внешней политики Америки (упреждающие действия в случае необходимости защитить нашу свободу, защитить наши жизни)… Речь в Уэст-Пойнте дает представление об убеждениях и образе мышления президента и его администрации…».

В этом выступлении президент отверг традиционную стратегию сдерживания как несоответствующую угрозам терроризма и распространения ОМП, получившим приоритетное значение после окончания «холодной войны». Он заявил о своей решимости «перенести сражение на территорию противника, сорвать его планы и противодействовать самым серьезным угрозам еще до их возникновения». Примечательно, что Буш так и не назвал «противника», оставляя полный простор для произвольного выбора мишеней. В новопровозглашенной доктрине «упреждающей интервенции» не уточнялось, ни по каким критериям будет определяться «терроризм», ни при каких условиях распространение ОМП будет расцениваться как зло, заслуживающее упреждающей военной акции со стороны Соединенных Штатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.